

ISSN 1813-193X

МНЕМОН

Исследования и публикации
по истории античного мира

Выпуск 18
№ 1

Санкт-Петербург
2018

Ex ipso fonte

MNEMON

**Investigations and Publications on the History
of the Ancient World
Established by Ed. Frolov**

**Issue 18
No. 1**

**St. Petersburg
2018**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Основан профессором Э. Д. Фроловым**

**Выпуск 18
№ 1**

**Санкт-Петербург
2018**

Редакционный совет

Ю. А. Виноградов, А. Б. Егоров, К. Кён (Австралия),
Б. Мейсснер (Германия), С. Ю. Сапрыкин, Й. Уорthingтон (Австралия),
К. Хартер-Уибопуу (Германия), Ф. Л. Холт (США),
Ю. Б. Циркин, Н. С. Широкова

Редакционная коллегия

Э. Д. Фролов (главный редактор), О. Ю. Климов, О. В. Кулишова,
А. Д. Пантелеев (ответственный секретарь), М. М. Холод

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская л., д. 5,
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории древней Греции и Рима.
Телефон +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

Advice Board

Alexey B. Egorov (Russia), Kaja Harter-Uibopuu (Germany),
Frank Lee Holt (USA), Clemens Koehn (Australia),
Burkhard Meißner (Germany), Sergey Yu. Saprykin (Russia),
Nadezhda S. Shirokova (Russia), Juliy B. Tsyarkin (Russia),
Ian Worthington (Australia), Yuriy A. Vinogradov (Russia)

Editorial Council

Eduard D. Frolov (editor-in-chief), Maxim M. Kholod, Oleg Yu. Klimov,
Oksana V. Kulishova, Aleksey D. Panteleev (executive secretary)

Address

199034, Russia, St. Petersburg, Vasilievskiy Ostrov, Mendeleevskaya l., 5,
St. Petersburg State University, Department of Ancient Greek and Roman History
Tel.: +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

In memoriam: памяти профессора Эдуарда Давидовича Фролова (1.3.1933 — 19.8.2018)	9
--	---

1. История древней Греции

<i>Х. Туманс.</i> Несколько тезисов о феномене единовластия в древней Греции	11
<i>Clemens Koehn.</i> In Speergewittern. Zur Semantik von “Fernkampf” und “Nahkampf” in der griechischen Archaik	46
<i>В. Р. Гуцин.</i> Клисфен и <i>demokratia</i>	71
<i>В. М. Строгоцкий.</i> Геродот и Фукидид. Перевоплощение исторического повествования в историческую науку	87
<i>Antonis Tsakmakis.</i> Thucydidean Laconism. The Speech of Sthenelaidas (I, 86)	97
<i>Э. В. Рунг.</i> Зарождение дихотомии «Европа — Азия» в литературной традиции классической Греции	111
<i>И. Е. Суриков.</i> Страх и напряженность в Афинах времен крушения «великого проекта»	127
<i>С. А. Тахтаджян.</i> Antiphon Or. 1, 31	139
<i>Е. В. Никитюк.</i> Афинская псефизма Демофанта 410/409 г. до н. э.	146
<i>С. Ю. Сапрыкин.</i> Греческая колонизация Колхиды: мифы и реальность	161
<i>М. В. Скржинская.</i> Афинские и италийские ювелиры на Боспоре и в Херсонесе	195

2. История Древнего Востока и эллинизма

<i>Н. В. Козырева.</i> «Законы Хаммурапи» в контексте истории Южной Месопотамии периода ранней древности	223
<i>Krzysztof Nawotka.</i> The Three Youths in the Fiery Furnace and Their Persian Costume	250
<i>Andreas Mehl.</i> Reflections on Changes in the Towns of Cyprus from the Rule of the City Kings to that of the Ptolemies	264
<i>М. М. Холод.</i> О Менторе и Мемноне Родосских: один сюжет из их биографий	277
<i>И. А. Ладынин.</i> Начало македонского времени в категориях древнеегипетского мировоззрения: некоторые замечания	296
<i>Л. Г. Печатнова.</i> Набис как создатель новой модели спартанской экономики	311
<i>С. К. Сизов.</i> «Истинная демократия» в Ахейском союзе времен Полибия	325

<i>О. Ю. Климов.</i> Некоторые замечания о власти Атталидов и Селевкидов в западной части Малой Азии в III в. до н.э. (в связи с гипотезой Б. Хрубасика)	339
<i>Christian Mileta.</i> Westliche und östliche Elemente in der Herrschaftspraxis des Seleukidenkönigs Antiochos III	351
<i>Ю. Н. Кузьмин.</i> Селевкидский якорь в Патарах	363
<i>Е. А. Молев.</i> Из политической истории Боспора (Фарнак — наследник Митридата VI Евпатора)	373
<i>J. Tischov.</i> De Stoicorum veterum animi humani concipiendi doctrina	382

CONTENTS

In memoriam: Professor Eduard Frolov (1.3.1933 — 19.8.2018)9

1. History of Ancient Greece

<i>Harijs Tumans</i> . Several Theses on the Phenomenon of Autocracy in Ancient Greece	11
<i>Clemens Koehn</i> . In Speergewittern. Zur Semantik von “Fernkampf” und “Nahkampf” in der griechischen Archaik	46
<i>V. R. Gouschin</i> . Cleisthenes and <i>demokratia</i>	71
<i>V. M. Strogetskiy</i> . Herodotus and Thucydides. The Metamorphosis of Historical Narrative in Historical Science.....	87
<i>Antonis Tsakmakis</i> . Herodotus and Thucydides. The Metamorphosis of Historical Narrative in Historical Science	97
<i>E. V. Rung</i> . The Appearance of the “Europe — Asia” Dichotomy in the literary tradition in Classical Greece	111
<i>I. E. Surikov</i> . Fear and Tension in Athens during the Period of Wreck of the “Great Project”	127
<i>S. A. Takhtajan</i> . Antiphon <i>Or.</i> 1, 31	139
<i>E. V. Nikityuk</i> . Athenian Decree of Demophantos (410/409 BCE)	146
<i>S. Yu. Saprykin</i> . Greek Colonization of Colchis: Myths and Reality	161
<i>M. V. Skrzhinskaya</i> . Athenian and Italian jewellers in Bosporos and Chersonesos	195

2. History of Ancient Near East and Hellenism

<i>N. V. Kozyreva</i> . The Laws of Hammurapi in the context of the early history of Southern Mesopotamia	223
<i>Krzysztof Nawotka</i> . The Three Youths in the Fiery Furnace and Their Persian Costume	250
<i>Andreas Mehl</i> . Reflections on Changes in the Towns of Cyprus from the Rule of the City Kings to that of the Ptolemies	264
<i>M. M. Kholod</i> . On Mentor and Memnon of Rhodes: A Segment of Their Biographies	277
<i>I. A. Ladynin</i> . The Beginning of the Macedonian Period in Categories of the Ancient Egyptian Worldview: Some Notes	296
<i>L. G. Pechatnova</i> . Nabis as the Creator of the New Model of Spartan Economy	311
<i>S. K. Sizov</i> . The “True Democracy” in the Achaian League in Polybius’ Time	325
<i>O. Yu. Klimov</i> . Some Notes on the Attalid and Seleucid Authority in Western Asia Minor in the 3rd Century BC (in Connection with the	

Hypothesis of B. Chrubasik)	339
<i>Christian Mileta.</i> Westliche und östliche Elemente in der Herrschafts- praxis des Seleukidenkönigs Antiochos III	351
<i>Yu. N. Kuzmin.</i> A Seleucid Anchor in Patara	363
<i>E. A. Molev.</i> On the Political History of the Bosporus (Pharnaces as Heir of Mithridates VI Eupator)	373
<i>J. Tischov.</i> De Stoicorum veterum animi humani concipiendi doctrina	382

2. История Древнего Востока и эллинизма

УДК 94(358)

Н. В. Козырева

«Законы Хаммурапи» в контексте истории Южной Месопотамии периода ранней древности

Козырева, Нэлли Владимировна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург; Университетская наб., 7/9; e-mail: n.kozyreva@spbu.ru.

Период ранней древности в истории Южной Месопотамии, в рамках которого шло формирование и первоначальное развитие месопотамской цивилизации (3500–1500), часто называют и «периодом ранней урбанизации». Его началом можно считать формирование на территории Южной Месопотамии крупных городских систем во второй половине IV тыс. до н.э., а окончанием — упадок южномесопотамских городов и полное разрушение их хозяйственных систем в 18–17 вв. до н.э. За более чем 2000 лет существования ранних городских систем условия, в которых они сформировались и к которым изначально адаптировались, постепенно менялись под влиянием как природных (экология), так и политических, и социальных (изменение состава населения в результате миграций) факторов. Тем не менее, традиционная структура города с определенным уровнем внутреннего самоуправления в общих чертах сохранялась на протяжении всего периода ранней древности. Самый знаменитый исторический артефакт этого времени, известный как «Законы Хаммурапи» (18 в. до н.э.), можно рассматривать как памятник не только эпохе царя Хаммурапи, но в определенной степени всему периоду ранней древности.

Ключевые слова: Южная Месопотамия, ранняя урбанизация, экологические изменения, миграции, города и провинция, социальное регулирование, Законы Хаммурапи.

The Laws of Hammurapi in the context of the early history of Southern Mesopotamia

Kozyreva, Nelli Vladimirovna — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies; Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: n.kozyreva@spbu.ru.

The stage of ancient Mesopotamia history within the framework of which the formation and initial development of Mesopotamian civilization took place (3500–1500) conditionally called the period of early antiquity or early urbanization. Its beginning can be considered from the formation in South Mesopotamia in the middle of the 4-th mill. BC of large autonomous and self-ruling urban systems and its end came with the decline of cities and the destruction of their economic systems in the middle of the 2nd mill. BC. Over the course of almost 2000 years the conditions in which urban systems of Southern Mesopotamia were

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 18.1. 2018. С. 223–249.
© Н. В. Козырева

formed and to which they were originally completely adapted gradually changed in comparison with the beginning of the period under the influence of both natural (ecology), and political, and social (changing the ethnic composition of the population as a result of migration) factors. Nevertheless the traditional structure of Southern Mesopotamian urban systems with a certain level of internal self-government in general terms was maintained throughout the period of early antiquity. The most famous historical artifact of this time, known as the Laws of Hammurabi compiled at the end of this era were undoubtedly the most outstanding monument of this era and can certainly be considered a monument to the whole period of early urbanization in South Mesopotamia.

Keywords: Southern Mesopotamia, early urbanization, climate and environmental changes, migration movements, social regulation, Laws of Hammurabi, deurbanization.

Период ранней древности в истории Южной Месопотамии, в рамках которого шло формирование и первоначальное развитие месопотамской цивилизации (3500–1500), часто называют и «периодом ранней урбанизации». Его началом можно считать формирование крупных городских систем во второй половине IV тыс. до н.э., а окончанием — упадок южномесопотамских городов и полное разрушение их хозяйственных систем в 18–17 вв. до н.э. Изучение синхронного археологического и письменного материала позволяет до некоторой степени проследить, какого рода изменения происходили на протяжении этого исторического периода в структуре городов и поселений, в характере институтов управления и этническом составе населения Южной Месопотамии, и реконструировать процессы взаимодействия и взаимовлияния этих важнейших цивилизационных факторов в ходе образования, развития и упадка ранних городских систем. Самый знаменитый исторический артефакт¹ этого времени, известный как Законы Хаммурапи (далее — ЗХ), можно рассматривать как памятник не только эпохе царя Хаммурапи, но в определенной степени всему периоду ранней древности в Южной Месопотамии.

Формирование городских систем в Южной Месопотамии. В конце IV тыс. до н.э. жители Южной Месопотамии выработали локальную модель организации своей социальной и хозяйственной жизни в форме города или, скорее, городской системы. Такая модель организации населения была в значительной степени связана со спецификой природных условий этой территории: здесь можно было получать исключительно большие урожаи зерновых

¹ Памятник, который исследователи условно называют «Законы Хаммурапи», в настоящее время хранится в Лувре. Он представляет собой диоритовую стелу высотой 2,25 м, верхнюю треть поверхности которой занимает изображение царя, стоящего перед божеством, а всю остальную часть — каллиграфически высеченный клинописный текст, составленный от его имени. Пространный текст занимает 60 «колонок» или примерно 5000 условных строк, из которых большую часть (около 4130 строк) составляют собственно законодательные статьи, заключенные в рамку написанных в высоком литературном стиле с элементами архаизации пролога (около 300 строк) и эпилога (около 500 строк). Roth 1995, 15.

на орошенных землях при условии постоянных коллективных усилий для создания и поддержания ирригационных систем. Это создавало возможности для стабильного совместного существования больших групп населения.

Первые городские системы появились на самом юге аллювиальной долины Месопотамии, располагаясь по берегам крупных протоков Евфрата и Тигра на высоких участках, наиболее безопасных в периоды паводков. Они включали городской центр, окруженный пахотными землями, пастбищами и рыбными угодьями, и располагавшиеся в его окрестностях небольшие поселения. Вместе это составляло единую хозяйственно-административную структуру, объединявшую в своих рамках и население территории, и все имевшиеся здесь природные ресурсы.

Методы административной организации сельскохозяйственных работ, разработанные в самых ранних городских системах Южной Месопотамии (Урук), привели, по-видимому, к колоссальному росту продуктивности зернового хозяйства: урожайность, предположительно, могла возрасти от 500 до 1000 %, при этом количество занятых в этой сфере работников фактически не увеличивалось². С конца IV тыс. до н.э. административно организованное зерновое производство на основе ирригации превратилось для населения Южной Месопотамии в самый надежный источник материальных ресурсов, и городские центры, где создавались условия для такого рода деятельности, стали привлекать к себе все больше жителей региона. Этому способствовало и то, что городские системы, воспринимавшиеся населением как место сосредоточения божественной и гражданской власти, предоставляли своим обитателям не только необходимое для существования, но и, что было не менее важно, определенный уровень безопасности. К концу IV — началу III тыс. до н.э. на территории Южной Месопотамии существовало более трех десятков крупных городских систем (см. карту), в которых проживало до 80% населения региона. Менее 10% населения жили в небольших поселениях площадью меньше 10 га, тесно связанных с городскими системами. Еще около 10% населения проживали на отдаленных территориях болот или степей за пределами контроля администрации городов³. Города, располагавшиеся по берегам рек и крупных протоков, поддерживали тесные связи между собой, обмениваясь излишками продуктов и ремесленных изделий. Фактически вся Южная Месопотамия представляла в это время единый культурно-хозяйственный регион, население которого объединяли общий язык (шумерский), общая материальная культура и религиозные представления.

Базовыми элементами городских систем были крупные хозяйства/дома (шум. *é*, акк. *bītum*) в рамках которых происходило производство, сбор и пе-

² Liverani 2006, 16–19.

³ Adams 1981, 251.

переработка различных видов продукции (прежде всего, зерновой, но также и ремесленной), значительная часть которой складировались в хранилищах городского центра и позднее распределялась между членами городской общины. Городское сообщество состояло из отдельных групп, членство в которых, вероятно, было связано с принадлежностью к персоналу определенного крупного хозяйства, считавшего своим покровителем одного из богов городского пантеона. Каждая такая группа не только занимала свою часть городского пространства (как физического, так и хозяйственного), но и имела свое представительство в системе городского управления. Той основой, которая скрепляла городское общество, объединяя жителей в единый коллектив (или, скорее, корпорацию), была система четко разработанных правил общежития и, прежде всего, основанная на распределительном принципе система взаимных обязательств, охватывавшая всех от правителя города или главы хозяйства до простого работника.

Административным и культовым главой города был правитель, которого, во всяком случае, теоретически избирали все жители (или, скорее, представители всех городских групп) на определенный срок. Выборными и срочными изначально были, по-видимому, и другие высшие административные должности в общегородской системе управления. Лица, их занимавшие, имели, вероятно, множество возможностей и привилегий в плане получения и использования материальных ресурсов из общего фонда города, но не персонально, а как представители определенной должности. Городская бюрократия (культово-административная) во главе с правителем управляла всеми активами города, аккумулировала богатства в форме сырьевых продуктов (зерно, шерсть, рыба, финики), а потом часть их распределяла среди населения в форме компенсации/вознаграждения за труд, а остальное использовала на общегородские нужды (строительные и ирригационные проекты, обмен и т.п.). Таким образом, все привилегии городской администрации были тесно связаны со стабильным функционированием городского хозяйства.

Городские системы как локальный вариант организации жизни и хозяйственной деятельности населения Южной Месопотамии оказались весьма устойчивыми. Они просуществовали почти две тысячи лет, с середины IV по середину II тыс. до н.э., сохранив почти неизменными свои базовые характеристики: осуществление значительной части производства и распределения в рамках крупных хозяйств, некоторый уровень самоуправления и должностной ротации. Во многом такая жизнеспособность определялась удачной адаптацией городских систем Южной Месопотамии к своеобразным экологическим условиям региона. Однако исключительно высокий уровень адаптации к определенным условиям ограничивал для такой системы возможности из-

менения и развития. Хозяйственные, социальные и идеологические институты, сформировавшиеся в рамках такой локальной модели, составляли неразделимое целое, нацеленное, прежде всего, на выживание в конкретных условиях, а не на развитие. Так что, когда все реальные возможности для приспособления к постепенно нарастающим внутренним и внешним изменениям были исчерпаны, ранние городские системы просто сошли с исторической сцены.

Городские системы Южной Месопотамии в III тыс. до н.э. На протяжении всего III тыс. до н.э. в хозяйственной и социальной сфере городской жизни происходило смешение старых традиций с элементами новой формировавшейся практики управления масштабными материальными и трудовыми ресурсами. При этом сам производственный механизм, который создавал эти ресурсы, и административные институты, которые этими процессами управляли, в основе своей сохранились прежними.

Городское общество изначально не было эгалитарным. При том, что всем его членам гарантировалось обеспечение на уровне необходимого, материальные возможности каждого отдельного горожанина определялись его положением в служебной иерархии. Традиционная система четко разработанных взаимных обязательств, соединявшая городское общество в единый механизм, в масштабной административной практике городского хозяйства стала рассматриваться как обоюдная задолженность руководителя (того, кто организует производство в данной структуре или на данной территории) и подчиненного (того, кто является в этой структуре исполнителем работы, возложенной на него руководителем), что создавало лицам, обладавшим хотя бы небольшим уровнем власти, условия для злоупотреблений и давления на подчиненных. Внутри городской бюрократии периодически обострялась борьба за властные полномочия, за должности, которые позволяли контролировать материальные и трудовые ресурсы. Правители, опираясь на поддержку своих родственников и сторонников из числа городской элиты, пытались сохранить власть пожизненно и передавать ее в рамках своей родственной группы.

К 25–24 вв. до н.э. давление на основную массу горожан со стороны тех, кто располагал административной властью усилились настолько, что это стало заметно отражаться и на хозяйственной жизни города⁴. Те из горожан, кто

⁴ В шумерских текстах из Лагаша (25 в. до н.э.) общее обозначение той группы жителей города, которые входили в число персонала одного из крупных городских хозяйств, начинается с клинописного знака *lú*, т.е. «человек» (акк. *awilum*). Все члены этой группы делились на две категории: руководителей, в обозначении которых сохранялся знак *lú*, которых называли «важные люди/господа» (*lú igi.nigin*), и основную массу работников-исполнителей, обозначение которых — «подчиненные господину» (*šub.lugal*) не включало этот знак. — Prentice 2010, 80.

по какой-либо причине не мог выполнить обязательства по поставкам продуктов или изделий или по трудовой повинности, оказывались в полной зависимости от администрации. В результате могло последовать лишение имущества, заключение в тюрьму за долги и даже продажа должника в рабство. В некоторых случаях это приводило к возмущениям среди горожане; в критической ситуации дело могло дойти до изгнания правителя из города или даже убийства правителя⁵.

Правители всячески старались сгладить внутригородские конфликты, грозившие нарушить неустойчивое равновесие в обществе, и одновременно пытались хоть немного ослабить позиции городской административной элиты, под контролем которой находилась значительная часть городского производства и потребления. Упоминания о мерах, принимаемых в этом отношении, впервые появляются в надписях правителей городов в 25 в. до н.э.⁶

Самый ранний из известных нам пример такого упоминания содержит строительная надпись⁷, составленная от имени правителя города Лагаша Энметены (25 в. до н.э.). В ней перечисляются многочисленные храмы, возведенные этим правителем, в строительстве которых участвовали жители (шум. *dumu* букв. «дети») Лагаша и нескольких соседних городов. Далее сообщается, что после окончания строительства Энметена освободил участников строительных работ от выполнения старых долговых обязательств и позволил им вернуться в свои города⁸. В другой надписи того же правителя, составленной

⁵ Cooper 1986, 34, 40, 55, 56.

⁶ Самые ранние тексты, составленные от имени городских правителей, представляли собой краткие посвященные надписи на votивных объектах, передаваемых правителем города в качестве даров божествам. Постепенно надписи становились все более пространственными, описывая наиболее значительные моменты деятельности правителя, прежде всего, осуществление им разнообразных строительных проектов по сооружению новых храмов и каналов. Со временем к описанию этих достижений правителя в надписи появляется очень краткое упоминание о социальных бенефициях, предоставленных правителем участникам строительства по случаю успешного окончания работ. Именно из этих дополнений постепенно сформировался отдельный жанр надписей, главным содержанием которых становится описание деятельности правителя/царя как охранителя традиционных устоев городского общества, защищающего социально слабые группы городского населения от притеснений со стороны тех, кто обладает властью и богатством. — Cooper 1986.

⁷ Cooper 1986, 58.

⁸ Понятие, которое обычно переводят как «освобождение» передается в тексте шумерским словосочетанием *ana. ar. gi/ gi4*, которое буквально можно перевести как «возвращение к матери», в переносном смысле — «возвращение в исходное состояние». В аккадском языке, который долгое время сосуществовал с шумерским, но в конце III тыс. до н.э. вытеснил его из сферы повседневного обихода Южной Месопотамии, это-

по случаю строительства огромного резервуара для воды, он также упоминает, что «установил освобождение для жителей Лагаша»⁹. Имелось в виду, очевидно, что правитель отменил долги по обязательствам горожан перед администрацией и освободил должников из тюрьм.

К середине 24 в. до н.э. относится надпись, составленная от имени очередного правителя города Лагаша Уруинимгины¹⁰. В этом случае социальной тематике посвящена уже большая часть пространного текста. Сначала в нем подробно перечисляются существовавшие в это время злоупотребления со стороны представителей администрации разных уровней, а затем излагается описание тех мер, которые правитель предпринял, чтобы защитить городское население от притеснений со стороны тех, кто располагал властью и богатством¹¹. В конце текста формулируется главная цель принятых правителем мер: «Чтобы сироте и вдове сильный человек никакого (зла) не причинил, он (Уруинимгина) заключил с богом Нингирсу этот договор». Такое определение задач правителя/царя в социальной сфере (с небольшими вариациями) встречается во всех последующих законодательных памятниках из Южной Месопотамии периода ранней древности.

Следующий по времени сохранившийся текст, касающийся мер по восстановлению социального порядка в обществе, был составлен в самом конце III тыс. до н.э. (21 в. до н.э.), когда Ур-Намму, правитель города Ура, объединил

му словосочетанию соответствовало существительное *andurārum*, «освобождение». И шумерский термин, и его аккадский эквивалент изначально были связаны не с отвлеченным понятием «свободы», а именно с реальным «освобождением» — аннулированием неких обязательств и возвращением человека или группы лиц в исходное состояние, когда они были «свободны», не имея невыполненных обязательств перед хозяйством или городом. Это могло быть «освобождение» от долговых обязательств, трудовой повинности, рабского статуса (CAD A2 v.I part II, 115).

⁹ Cooper 1986, 67.

¹⁰ Cooper 1986, 70–74

¹¹ Целый ряд мер был направлен на отмену или смягчение некоторых особо вопиющих злоупотреблений, исходивших от начальников разных уровней, которые, по видимому, использовали в своих интересах не только свои административные ресурсы, но и имущество подчиненных. Были значительно уменьшены или отменены некоторые налоги и сборы по специальным случаям (помолвка, свадьба, похороны), «возвращены» богам их хозяйства, которыми противоправно пользовался предшествующий правитель и члены его семьи. Также была объявлена амнистия и освобождены жители Лагаша, сидевшие в тюрьме, как за уголовные преступления, так и за долги и мошенничество. В одном из разделов текста перечисляются те, кто попал под амнистию: «жители (дети) Лагаша — те, кто жили в долгах, те, кто пользовались фальшивой мерой и те, кто неправильно наполняли (установленную) меру зерном, воры и убийцы — от всех их он очистил тюрьму и свободу (ama.ar.gi4) их установил». Richardson 2016, 232.

под своей властью все города Южной Месопотамии и основал династию (так называемая III династия Ура), правившую здесь около ста лет. Композиция, которую условно называют «законы Ур-Намму», состояла из трех частей¹². В первой части (прологе) описываются важнейшие деяния царя общегосударственного масштаба: установление контроля над торговыми путями, в том числе речными и морскими, и обеспечение их безопасности, регулирование отдельных элементов налоговой системы, стандартизирование системы мер и весов. Здесь же упоминается об «освобождении» (от задолженности перед администрацией) населения нескольких городов, которые, вероятно, последними были включены в территорию государства Ур III. Собственно «законодательные установления» содержатся в центральной части текста, которая содержит перечень возможных правовых коллизий в сфере семейного и имущественного права и тех решений, которые необходимо принимать по каждому из этих случаев (сохранилось около 40 из предположительно 70–80 разделов). Третья часть текста, содержащая, вероятно, заключение/эпилог, к сожалению, не сохранилась.

В конце пролога приведена своего рода апология царя, защитника слабых: «Я не передавал сироту богатому, я не передавал вдове сильному, я не передавал человека, (имеющего только) один сикль серебра, человеку, (имеющему) 1 мину серебра, я не передавал человека, (имеющего только) 1 овцу, человеку, (имеющему) 1 быка»¹³. Заканчивается пролог словами «справедливость в стране я установил».

С этого времени, помимо термина «освобождение» во всех надписях, касающихся социального регулирования, появляется и более широкий термин — «справедливость (букв. правильный порядок)» (шум. *níg.sì.sà*, акк. *mīšarum*). При этом правители, рассказывая о принятых ими социальных мерах, обязательно подчеркивают легитимность своего правления. Боги избрали из числа горожан именно их, как самых достойных и способных исполнить главную задачу правителя, возлагаемую на него богами. Эта задача состояла в том, чтобы вернуть общество к его правильному (первоначальному) устройству, путем установления «справедливости», освобождая горожан от злоупотреблений администрации и непомерных обязательств, защищая слабых от притеснений сильных.

Однако практические результаты мер, провозглашаемых правителями, носили, по-видимому, весьма кратковременный характер¹⁴. Что и не удивитель-

¹² Текст был составлен, вероятно, от имени сына Ур-Намму, царя Шульги, и высечен на каменной стеле, установленной по случаю назначения регулярных жертвоприношений в память его покойного отца, основателя династии. Roth 1997, 13–22.

¹³ Roth 1997, 16. Здесь и далее законодательные тексты цитируются по данному изданию.

¹⁴ Раздел текста «законов Ур-Намму», касающийся конкретных мер, предпринятых царем для того, чтобы «установить справедливость в Стране» и «изгнать зло, насилие

но, поскольку хозяйственная и административная система городов в основных своих чертах сохранялась неизменной, и многие должники, «освобожденные» указом правителя, в скором времени неизбежно вновь сталкивались с теми же проблемами, которые привели их в долговую тюрьму. Скорее всего, такие надписи представляли собой нечто вроде манифеста, отражавшего благородные намерения правителя, но не имели большого влияния на реальную жизненную практику.

Изменения условий существования городских систем Южной Месопотамии в течение III и начале II тыс. до н.э. За более чем 2000 лет существования ранних городских систем на территории Южной Месопотамии (с середины IV до середины II тыс. до н.э.) условия, в которых они сформировались и к которым изначально адаптировались, постепенно менялись. Причинами этих изменений были как природные (экология), так и политические, а также социальные (изменение состава населения в результате миграций) факторы.

Экология. На протяжении III тысячелетия постепенно менялась та внешняя среда, в которой сформировались городские системы и к которой они были полностью адаптированы. Эти изменения коснулись, прежде всего, водного режима территории Южной Месопотамии и ее ландшафта. Постепенное передвижение (с востока на запад) русел двух великих рек, по берегам и протокам которых располагались самые крупные города, и отступление на юг вод Персидского залива в сочетании с общим уменьшением количества осадков делало климат Южной Месопотамии все более жарким и сухим и увеличивало зависимость жителей региона от стабильности водных ресурсов. Изменениям водного режима способствовала и активная хозяйственная деятельность городского населения, особенно самого юга аллювиальной долины (в частности, расширение сети каналов), где сельское хозяйство было полностью основано на ирригации. Последствиями таких изменений было сокращение площадей пригодных для зернового хозяйства, снижение урожайности зерновых культур и подорожание ячменя¹⁵. Некоторые города юга уже в кон-

и раздор», в результате чего «он установил свободу в Шумере и Аккаде», во многом повторяет тот же раздел текста Урунингины, а злоупотребления, которые, по словам составителя, он искоренил, такого же рода как те, которые еще за 300 лет до него искоренил правитель Лагаша.

¹⁵ Основой питания населения Месопотамии был ячмень, стоимость которого имела решающее значение для всей экономики. Формально соотношение стоимости ячменя и серебра — 1 сикль (около 8 г) серебра за 1 гур (300 л) зерна — сохранялась неизменной на протяжении всего исторического периода. Однако объем меры «гур» со временем менялся. От 300 л в гур в 25 в. до н.э. до 180 л в гур в 6 в. до н.э., т.е. существовала устойчивая тенденция к увеличению стоимости зерна. Особенно резкие из-

це III тыс. до н.э. потеряли из-за экологических проблем значительную часть своих сельскохозяйственных территорий и стали непригодными для существования, население вынуждено было их покинуть. Наиболее ранние данные о влиянии экологических изменений на жизнь городского населения сохранились из Эриду, самого южного города аллювия. На протяжении второй половины III тыс. до н.э. пахотные площади и рыбные угодья города постоянно уменьшались из-за отступления на юг вод Персидского залива и наступления на сельскохозяйственные территории песчаных дюн с запада. Это вынуждало жителей Эриду постепенно переезжать на территорию расположенной севернее городской системы Ура. С начала II тыс. до н.э. миграции городского населения юга аллювия в северную часть региона становились все более массовыми.

Политические перемены. К середине III тыс. до н.э. относятся первые попытки создания институтов централизованной власти в отдельных городах Южной Месопотамии. На фоне обострения соперничества между городами (за воду и пахотные площади) и возникновения военных конфликтов в самых крупных и богатых городах постепенно усиливались отдельные группы или родственные кланы, лидеры которых старались поставить под свой контроль всю городскую экономику и городское управление, сделать свое управление единоличным и передать свой статус наследникам. Для обоснования такой политики появлялась и соответствующая идеология. В своих надписях правители сообщали, что были призваны на правление великими богами, избравшими их как наиболее достойных из числа всего городского населения.

Два раза во второй половине III тыс. до н.э. все городские системы Южной Месопотамии были объединены в рамках единого централизованного государства с наследственной царской властью. Впервые это сумел осуществить аккадский царь Саргон, завоевавший Южную Месопотамию и основавший династию, которая правила здесь около 150 лет (24–23 вв. до н.э.). В годы правления династии Аккада города Южной Месопотамии неоднократно восставали против центра. При подавлении аккадским войском этих выступлений погибла значительная часть городского населения и местной правящей элиты¹⁶. В самом конце III тыс. до н.э. в роли объединителя выступила местная династия из города Ура (III династия Ура). Обе попытки централизованного управления городскими системами были относительно кратковременными (они заняли около 250 лет) и закончились распадом государства и возвращением городов к традиционной модели социально-экономического устройства, т.е. к модели автономных самоуправляющихся городских систем.

менения в стоимости зерна происходили в периоды кризисов (засуха, эпидемии, война), когда возникала острая нехватка продуктов. — Klein 2014.

¹⁶ Kozyreva 2016, 117 ff.

Принцип единоличной централизованной власти был чужеродным элементом для городских систем Южной Месопотамии, и институты такой власти формировались здесь в виде некоей надстройки над традиционной системой городского самоуправления и ротации должностей. Кто бы ни стоял во главе этой системы — царь-завоеватель или представитель городской олигархии — он оставался, прежде всего, ее управляющим¹⁷. Обладая определенным уровнем контроля над хозяйством города и его материальными ресурсами, он, тем не менее, не мог быть его единоличным владельцем или распорядителем, не разрушив фундаментальные основы этой системы. В компетенции местной городской власти оставались процессы производства и управления локальными ресурсами, а центр направлял свои основные усилия на создание плотной сети контроля за сбором этих ресурсов и перераспределением значительной их части в свою пользу.

Централизованная власть могла в определенной степени воздействовать на население, делая попытки регулировать отношения в социуме и внутри его отдельных групп, чтобы, прежде всего, ослабить самые сильные его элементы (т.е. городскую элиту), но она не могла реорганизовать хозяйственные институты, не разрушив систему, которая создавала эти материальные ресурсы необходимые самой власти. Таким образом, традиционная хозяйственная структура города с определенным уровнем внутреннего самоуправления в общих чертах сохранялась на протяжении всего периода ранней древности. В периоды усиления централизованной власти над городской бюрократией выстраивались дополнительные контрольные структуры, но как только центральная власть начинала ослабевать, эти структуры распадались, в то время как местные институты власти, основанные на длительных семейных и хозяйственных связях, заново восстанавливались, и города Южной Месопотамии возвращались к существованию в рамках традиционной модели. Рано или поздно цари уходили, а города оставались и продолжали обходиться своими силами. Города жили и без царей, а цари без городов существовать не могли.

Население. Серьезные изменения произошли за этот период также в структуре городов и поселений и в этническом составе населения Южной Месопотамии. Росло число населения, находившегося за пределами городских систем. Уже с середины III тыс. до н.э. процесс урбанизации, некогда охвативший до 80% населения региона, постепенно начал угасать и появились первые признаки деурбанизации. Отдельные крупные города после ты-

¹⁷ Поэтому в клинописных документах периода ранней древности из Южной Месопотамии нельзя обнаружить сведения о богаче, занятом исключительно делами своего личного хозяйства и не имеющим отношения к городским структурам или государственной администрации.

сячи лет активного существования теряли свое значение и сходили с исторической арены. В значительной мере это было связано с внешними факторами: ухудшившимися экологическими условиями, что особенно ощущалось на юге региона, и разрушением ряда городов в ходе военных конфликтов. Одновременно на территории региона стало заметно возрастать число небольших сельских поселений. Многие «новые» поселения возникали на месте старых деревень, когда-то заброшенных в период усиленной урбанизации. Однако их появление было связано не с перетеканием туда части городского населения, а скорее с усилившимися в это время потоками миграции на территорию Южной Месопотамии.

Миграции. Уже с середины III тыс. до н.э. окраинные территории Южной Месопотамии стали активно осваивать представители западносемитских племенных групп, населявших сиро-аравийские степи и пустыни к западу от Евфрата, которых в Южной Месопотамии называли амореями¹⁸. Амореи очень быстро ассимилировались шумеро-аккадской культуре и полностью перешли на аккадский (восточносемитский) язык. Первоначально они селились за пределами городских систем в небольших поселениях, занимаясь скотоводством и, по возможности, земледелием, но со временем аморейская элита с согласия местных властей стала активно переезжать в города¹⁹. Городская администрация была заинтересована в поддержании дружественных отношений с этими группами. Из их числа нанимали проводников торговых караванов и формировали наемные военные отряды. По-видимому, со второй половины III тыс. до н.э. стала распространяться практика выдачи амореям и другим чужеземцам земельных наделов в провинции (за пределами городских земель) в обмен на служебные обязательства, прежде всего на исполнение военной службы.

Южная Месопотамия в начале II тыс. до н.э. В начале II тыс. до н.э. после некоторого упадка, вызванного военными катастрофами конца III тыс. и распадом государства Ур III, в рамках которого на сто с небольшим лет была объединена вся территория Южной Месопотамии, города вновь вернулись к самостоятельному автономному существованию. Однако политическая ситуация в регионе к этому времени значительно изменилась: в большинстве

¹⁸ Жителей этого региона, говоривших, в основном, на языке западносемитской группы, также как и саму территорию, в шумерских клинописных текстах из Южной Месопотамии называли термином, обозначающим запад/западный (*mar.tu*). Его аккадский эквивалент — *amurru* впервые встречается в текстах из Южной Месопотамии, записанных на староаккадском языке в 24 в. до н. э. К этому аккадскому наименованию (через библейскую передачу) восходит термин «аморей» (*Amorite*), принятый современной исторической наукой для обозначения населения данного региона.

¹⁹ Kozyreva 2001, 119–123.

крупных городов к власти пришли аморейские военные лидеры, которые следующие 250 лет упорно боролись за первенство между собой. Под управлением основанных ими новых династий некоторые древние города на какое-то время возвысились до уровня политической столицы территории (Исин, Эшнунна, Ларса), политическими столицами стали также и некоторые ранее мало известные города (Вавилон), правда, большинство удержались в такой роли совсем недолго.

Городское население Южной Месопотамии было в это время, в основном, аккадоязычным. Шумеры как этническая группа практически исчезли к концу III тыс. до н.э., а шумерский язык вышел из повседневного обихода, превратившись в язык культа и литературы. Вся территория региона за пределами городских владений была достаточно плотно заселена этнически неоднородным населением, значительную часть которого составляли амореи. Примерно с середины 18 в. до н.э. этнический состав населения провинции вновь стал заметно меняться, поскольку изменилось направление основных потоков миграции. С этого времени все больше беженцев, переселенцев и депортированных пленных направлялось на территорию Южной Месопотамии с севера и северо-востока (гор и предгорий Загроса)²⁰.

Постоянное расширение миграции, увеличение площадей обрабатываемой переселенцами земли и соответственно числа податного населения приводило к тому, что хозяйственная и политическая роль периферии постепенно возрастала. За пределами крупных городов, жители которых во главе с кульгово-административной бюрократией были слишком самостоятельными и склонными к недовольству, концентрировалось население, полностью зависящее от центральной власти и, соответственно, лояльное ей. Со временем города оказались плотно окруженными разноэтничным населением провинции и вынуждены были вести борьбу за сохранение своих земельных владений от протекционистских мер государственной власти. При этом горожане по-прежнему находились под юрисдикцией города, сохранявшего некоторую автономию, а население провинции, по-видимому, полностью контролировалось царской администрацией. Отношения между центральной администрацией и все возрастающей частью населения Южной Месопотамии, существовавшего вне городских систем, во многом копировали городскую систему взаимных обязательств (служба за содержание), основанную на принципах распределения.

В официальной терминологии для обозначения городского и сельского населения государства уже с середины 18 в. до н.э. стали использовать вы-

²⁰ В синхронных текстах их нередко называли термином «касситы» (*kaššū*), который (как ранее термин «амореи») мог обозначать не этноним, а в широком смысле чужеземцев из горцев (чаще всего чужеземных наемных воинов).

ражение «аккадцы и амореи»²¹. Это отражало, по-видимому, сложившееся к тому времени представление о том, что население государства состояло из двух основных групп: горожан, преимущественно аккадцев по происхождению, и жителей провинции (в основном, потомков амореев и других мигрантов), которые были главными поставщиками воинов в царское войско. При этом горожане («аккадцы») в определенной степени находились под юрисдикцией города, сохранявшего некоторую автономию, а население провинции («амореи»), по-видимому, полностью контролировалось царской администрацией.

О том, как в первой половине II тыс. до н.э. складывалась жизнь всего населения региона, можно судить по многочисленным царским надписям того времени, происходящим из разных городов Южной Месопотамии. В них часто упоминается о войнах между городами, разрушениях, истреблении населения. Внешняя ситуация, связанная с ухудшением экологических условий и постоянными военными конфликтами, негативно отражалась на хозяйственной деятельности и повседневной жизни обитателей региона. Никуда не исчезали и те противоречия между «слабыми и сильными», которые существовали в городском социуме еще в III тыс. до н.э., сходные проблемы возникали теперь и в провинции. В таких обстоятельствах городскому правителю было сложно обеспечить жителям безопасность и возможности для нормальной хозяйственной деятельности. Неудивительно, что в официальных надписях того времени среди важнейших деяний благочестивого царя чаще всего перечисляются следующие:

- сбор «рассеянных» войной и разрухой подданных и расселение их в безопасных местах,
- строительство стен вокруг городов для безопасности населения, проживающего в них,
- реконструкция старых и проведение новых ирригационных каналов для снабжения чистой водой населения и для орошения полей,
- устранение поводов для жалоб (шум. *i.d.utu*) и восстановление справедливости/ правильного порядка (шум. *níg.si.sà*, акк. *mīšarum*).

Результатом всех этих действий, как утверждается в надписях, было «уничтожение разбойников, злодеев и преступников» и предоставление «слабым, вдовам и сиротам» возможности жить в полном довольстве²².

Новые правители южномесопотамских городов, несмотря на то, что они сохраняли свои аморейские имена, полностью ассимилировались городской культуре Южной Месопотамии и позиционировали себя как наследников местных традиций. Ими была полностью воспринята и активно воспроизво-

²¹ Koppen Van 2007, 212 ff.

²² Frayne 1990, 148–149.

дилась выработанная в надписях второй половины III тыс. до н.э. терминология, отражавшая традиционные представления о задачах легитимного правителя города. Правда с начала II тыс. до н.э. все больше официальных надписей составлялось не на шумерском, а на аккадском языке.

Для восстановления социального баланса и поддержания общественного порядка аморейские правители городов активно использовали практику социального регулирования предшествующего периода. Правители многих городов периодически (предположительно каждые 5–8 лет) провозглашали указы о «справедливости» (*mīšarum*), отменявшие некоторые виды долгов и долгового рабства²³. Это должно было, вероятно, несколько сгладить конфликтные ситуации внутри социума и ослабить позиции городской элиты, под административным контролем которой по-прежнему находилась значительная часть городского производства и потребления. Иногда, по-видимому, по каким-то специальным случаям, цари объявляли об уменьшении налогов, взимаемых с жителей того или иного города, и сокращения для них сроков трудовой повинности.

Представление о том, что главной обязанностью правителя/царя является защита «слабого» от «сильного» и установление «справедливого» управления, при котором все население будет жить благополучно, по-прежнему выглядит как прочно устоявшаяся и общепринятая традиция. Боги напоминали царям городов об этих их обязательствах через оракулов. Так, в двух письмах из города Мари излагается содержание оракулов бога Адада из города Халеб²⁴. Обращаясь к царю Мари Зимри-Лиму, современнику Хаммурапи, бог Адад высказывает следующие пожелания: «Если кто-либо, имеющий судебное дело, обращается с жалобой к тебе, говоря «я притеснен/обижен» (*hablāku*), встань и рассмотри его дело. Рассуди его справедливо. Это то, чего я хочу от тебя» и «Когда притесненный мужчина или притесненная женщина

²³ Так называемые указы «о справедливости» (*mīšarum*), отменяли некоторые виды задолженностей, давали право вернуть проданную за долги недвижимость и освобождали от долгового рабства. Указы доводились до сведения населения посредством специальных церемоний, проводившихся администрацией, и их появление вызывало к жизни множество судебных исков. В юридических документах и письмах того времени довольно часто упоминается о необходимости принять решение по конкретному вопросу в соответствии с царским указом (*šimdat šarrim*), однако тексты самих указов не сохранились. До нас дошли только поздние копии трех царских указов, отменяющих долги. Наиболее полный сохранившийся текст (пролог/преамбула и 22 параграфа) — указ царя Аммицадуки (ок. 1640 г. до н.э.), сохранились также фрагменты указа царя Самсуилуны, сына Хаммурапи (ок. 1740 г. до н.э.) и небольшой фрагмент указа еще одного вавилонского царя, имя которого установить не удалось. Westbrook 2003, 362.

²⁴ Roth 2002, 38–45.

(*lú hablum u sal habiltum*) жалуются тебе, встань и реши их дело. Это то, чего я хочу от тебя».

На практике это, вероятно, означало, что при рассмотрении особо спорных случаев царь мог лично выступить как юридический и административный арбитр. Именно к царю/правителю со своими жалобами обращались притесненные и обиженные, которые не смогли решить свои проблемы в суде. Правитель города Дер (19 в. до н.э.?) в своей надписи рассказывает, что он «судья справедливый, не притеснявший человека (*la hābil awīlim*), освобождающий «притесненного и притесненную» (*hablum u habiltum*), устанавливающий справедливость»²⁵.

Сам по себе факт «притеснения» как лишения имущества или прав на владение/пользование имуществом со стороны вышестоящего лица путем прямого действия или в результате решения суда, в большинстве случаев, означал для потерпевшего потерю социального статуса. Лица, которые названы в текстах «притесненными» не составляли, вероятно, какую-либо единообразную социальную группу. В такой ситуации из-за накопившихся долгов, самоуправства начальников или несправедливого решения суда мог, вероятно, оказаться любой человек (будь то горожанин или воин, получивший от администрации земельный надел), не имевший достаточно сильных покровителей. С другой стороны, очевидно, что попаданию в такую ситуацию во многих (но не всех) случаях способствовало отсутствие у «притесненного» властных полномочий (и связанного с ними богатства) или сильных покровителей. Также и в роли «притеснителя» теоретически мог оказаться любой человек, обладавший властью.

Более четкие определения зафиксированы в синхронных текстах для обозначения той сравнительно небольшой части населения, которая в реальной жизни во многих случаях находилась за пределами действия традиционных правовых норм. Для обозначения этой группы лиц в текстах из разных городов Южной Месопотамии в это время использовалось выражение, которое

²⁵ Frayne 1990, 676. С начала II тыс., когда тексты начали составлять преимущественно на аккадском языке, для передачи понятия притеснения/нанесения обиды стали применять глагол *habālum*, а существительное, образованное от него (*hablum/habiltum*), означало объект притеснения. Судя по тому, что этот глагол очень часто встречается в письмах того времени, можно предположить, что в официальные надписи и литературные тексты он попал из живого разговорного языка. Основные значения этого аккадского глагола: 1) быть лишенным (или получить отказ в получении) требуемого и необходимого (установленного по закону) содержания; 2) проиграть имущественное дело в суде (CAD H v.6 p.4). Аккадскому глаголу *habālum* соответствовало шумерское сочетание знаков *nam.gú.ag*, которое буквально означало «шейную поклажу налагать», в переносном смысле — «налагать дань, обязательные поставки/платежи».

условно можно перевести как «знатные и великие» (*kabtum u rabūm*, букв. тяжелые/мощные и большие/великие). Предположительно, «знатные» были представителями старой городской элиты, которые традиционно занимали высокие должности в городской бюрократии, а те, кого называли «великими», были представителями центральной (царской) администрации. «Знатные и великие» (фактически, родовая и служилая знать) были тесно связаны между собой и образовывали верхушку общества, располагая не только большими материальными ресурсами, но и значительными властными полномочиями. В том числе в их руках находилась и судебная власть, поскольку именно они чаще всего были судьями. При этом сами они далеко не всегда могли быть подвергнуты судебному преследованию²⁶.

Деятельность Хаммурапи. Борьба за лидерство между аморейскими городскими династиями и попытки отдельных лидеров объединить под своей властью всю территории Южной Месопотамии в этот период предпринимались неоднократно. Наиболее успешным среди городских правителей Южной Месопотамии оказался Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), шестой представитель I вавилонской династии. Именно ему удалось исполнить мечту многих своих политических соперников — объединить (в третий раз за период ранней древности) все городские системы региона в рамках централизованного государства с наследственной царской властью. В 1792 г. до н.э. Хаммурапи унаследовал от своего отца, Син-мубаллита, небольшое царство на северо-западе Южной Месопотамии с центром в городе Вавилон. Через 30 лет в 1762 г. до н.э., после многолетних военных действий ему удалось завоевать и установить свою власть над территорией от Персидского залива на юге до среднего Евфрата на северо-западе и до Ниневии и Ашшура на севере.

В последние десять лет своего правления Хаммурапи приложил огромные усилия, стремясь соединить завоеванные им территории в единую политиче-

²⁶ Некоторое представление о возможностях тех, кто входил в эти высшие группы городской элиты, дают гарантийные документы, составлявшиеся при временной передаче рабов от одного лица другому. В тексте гарантии предусматривались штрафные санкции на случай бегства переданного раба, и в отдельных случаях указывалось, где рабы могли найти безопасное убежище. В этой связи в ряде договоров упоминаются, в том числе, знатный человек (*kabtum*) и высокопоставленный чиновник (*rabūm/rābišum*). Беглого раба, попавшего к этим людям, вернуть, по-видимому, было невозможно. Поэтому поручители в случае возникновения такой ситуации, были обязаны выплатить владельцу раба очень большой штраф, размер которого соответствовал максимальной цене взрослого раба или даже превышал ее. Все законодательные сборники из Южной Месопотамии начала II тыс. до н.э. наказывали за укрывательство беглых рабов либо большим штрафом, либо даже смертной казнью. Судя по сохранившимся гарантийным документам, на «знатных и великих» действие таких законодательных установлений не распространялось. Kozyreva 2015, 45–57.

скую и хозяйственную систему²⁷. В администрацию южных городов назначались вавилонские чиновники. Составлялись новые земельные кадастры присоединенных территорий, чтобы уточнить масштабы налогов и повинностей. Особенно много внимания царь уделял обустройству присоединенных территорий юга и центра аллювия с его древнейшими городами (Ниппур, Исин, Ур, Урук, Ларса). Сразу после завоевания юга в 1763 г. до н.э. был провозглашен указ о «справедливости», который должен был привлечь население на сторону Хаммурапи и показать его легитимным наследником свергнутых им предшествующих правителей. В городах велись масштабные работы по реконструкции и обновлению городских храмов.

Царь и города. Одновременно Вавилон требовал от присоединенных городов огромных платежей зерном и серебром, фактически выкачивая большую часть ресурсов из подконтрольных территорий. Особенно тяжело это отразилось на богатых городах юга и центра региона, хозяйство которых больше других пострадало от изменений экологической обстановки. Усиление налогового давления в сочетании с ухудшением условий внешней среды и общим падением урожайности вело к серьезному понижению уровня жизни городского населения. Значительная часть местной городской элиты была, по-видимому, настроена против центра, который ужесточал контроль за городским хозяйством и отодвигал ее от городских ресурсов. Недовольство элиты вызывали и действия царя, направленные на ограничение возможностей городского самоуправления и на переход от номинальной выборности на важнейшие городские должности к системе назначений сверху²⁸.

²⁷ Собственно надписей Хаммурапи сохранилось очень мало, при этом значительная их часть дошла до нашего времени в виде обломков или фрагментов. Есть предположение, что в правление Хаммурапи в городах Южной Месопотамии устанавливались статуи, изображавшие царя, и воздвигались каменные стелы с надписями, в которых описывались его военные победы и управленческая деятельность. Однако большинство этих памятников было намеренно уничтожено или разрушено в ходе восстания городов в правление его сына Самсуилуны. — van de Mieroop 2011, 305–338.

²⁸ Традиции выборности, которые казались уже забытыми в ходе повседневной жизни, вновь становились востребованы в моменты кризисов и катастроф. Это касается, прежде всего, выборности правителя города. Целый ряд примеров такого рода известен от второй половины III и начала II тыс. до н.э. В одном из писем, посланных царем города Мари Зимри-Лимом Хаммурапи в то время, когда они еще были союзниками, описывается ситуация, сложившаяся в городе Эшнунне, правитель которого погиб в ходе войны с эламитами. Зимри-Лим предлагает Хаммурапи взять управление городом на себя, а если жители Эшнунны не согласятся на это (такой вариант был в тот момент, по-видимому, возможен), то Хаммурапи мог бы предложить им в качестве царя кого-либо из представителей царского дома Эшнунны, которые находились в Вавилоне, возможно, в качестве заложников. Однако, как следует из другого письма,

Чтобы наладить взаимодействие с городской элитой и поставить ее под контроль центра, Хаммурапи использовал целый ряд традиционных способов: дублирование важнейших городских должностей (наряду с городским чиновником одновременно на ту же должность назначался и представитель царя); привлечение городской элиты на службу царю через раздачу новых должностей, в том числе и номинальных²⁹, постепенная отмена ротации для ряда высших должностей: торговых-агентов, судий.

Царь и провинция. Постоянно увеличивавшееся население провинции в основном существовало за счет земельных наделов или содержания, которое оно получало от центральной администрации на условиях несения службы (чаще всего военной). Соглашение (устное или письменное), заключавшееся по этому поводу между сторонами, предполагало выплату компенсации или наказание в случае невыполнения обязательств (*ilkum*) со стороны исполнителя службы. Формировавшиеся в первые века II тысячелетия относительно новые правила землевладения и землепользования, касавшиеся, прежде всего, территорий за пределами городов и населения провинции, не имели, вероятно, достаточного соответствия в традиционной городской правовой системе и могли входить с ней в противоречия. О нестабильности ситуации, складывавшейся на завоеванных территориях, свидетельствуют письма Хаммурапи, касающиеся самых мелких деталей управления югом и разрешения отдельных индивидуальных претензий и споров. Сохранилось около ста писем, составляющих часть обширной переписки, которую Хаммурапи вел в последние годы своего правления со своими представителями на юге. Судя по содержанию этих писем, люди, считавшие себя потерпевшими, могли лично или через посредников обратиться к Хаммурапи с жалобами на неправомерное решение суда, либо на злоупотребления властью со стороны чиновников. Значительную часть просителей составляли, по-видимому, представители негородского населения, чаще всего, вероятно, жители провинции — те, кто по какой-либо причине не получили причитающийся за службу земель-

хранившегося в том же архиве, эшнунцы сами выбрали себе царя, причем не из числа знатных семей, как с возмущением пишет Зимри-Лим, а одного из своих военных командиров. Это произошло в 1765 г. до н.э., а через год Эшнунна была захвачена войсками Хаммурапи и вошла в состав его государства. Heimpel 2003, 108.

²⁹ Часть городской элиты пыталась приспособиться к новым условиям. Об этом можно судить по изменениям, которые произошли в это время в надписях на печатях, принадлежавших представителям городской элиты. Значительно расширился круг лиц, которые называли себя в этих надписях «рабами (царя) Хаммурапи». В их число, помимо высокопоставленных администраторов и служителей культа, а также придворных, непосредственно обслуживавших царя, стали входить высшие должностные лица из числа торговой и городской администрации и военных, в том числе судьи. — Kozyreva 2016, гл. XIX.

ный надел, или же те, чей служебный надел был незаконно отобран или заменен на менее качественный. На практике царь действительно мог вмешаться и обеспечить правильное решение такого рода дел. В письмах чиновникам Хаммурапи часто просто пишет: «такой-то рассказал мне (*ulammidanni*)...» и далее следует краткое изложение дела и указания по поводу того, надо ли данное дело пересмотреть заново, если в нем осталось что-то неясным, или какое решение надо вынести по данному вопросу и как исправить незаконные действия чиновников в отношении конкретных лиц, если обстоятельства дела представляются царю очевидными. Вероятно, именно личный опыт царя в разрешении такого рода правовых проблем лег в основу при разработке одного из «новых» разделов ЗХ, связанного с имуществом царских воинов-редумов (см. ниже).

Законодательная деятельность Хаммурапи. Апофеозом деятельности правителя города в начале II тыс. до н.э., когда общая ситуация в регионе изменилась настолько, что традиционных правовых норм уже не хватало или они переставали действовать, было введение (по поручению богов) дополнительных правил/нормативов для «притесненных». Однако далеко не каждый правитель имел силы и возможности решиться на разработку и создание «законодательного сборника». Сохранилось три текста такого рода, созданных в 19–18 вв. до н. э.³⁰ Два из них были составлены от имени царей крупных и богатых городов Южной Месопотамии — Эшнунны и Исина, а третий, самый поздний, был написан от имени Хаммурапи, царя Вавилона³¹.

Все эти законодательные сборники, начиная с «законов Ур-Наммы», составленных в конце III тыс. до н.э., не были кодексами законов в современном смысле слова. По мнению Н. Постгейта, они представляли собой некий «mixed bag», в который были включены как правила традиционного характера, так и некоторые новые или модифицированные установления, вызванные к жизни переменами, постепенно накапливавшимися в самом обществе и вокруг него³². В некотором смысле эти тексты представляли собой своеобразный вариант царской надписи в форме апологии, обращенной к богам, и содержавшей подтверждение того, что царь полностью выполнил все обязательства, обусловленные богами при вручении ему царского мандата: «обеспечить справедливость в стране, уничтожить злодеев и преступников, не дать сильному угнетать слабого». Вопрос о том, насколько строго исполнялись эти законодательные установления, остается открытым, прямых свидетельств относительно применения их в судебной практике не сохранилось.

³⁰ Roth 1997.

³¹ Возможно, такого же рода сборники составлялись и в других городах Южной Месопотамии, но, от них сохранились только отдельные фрагменты.

³² Postgate 1992, 289.

В повседневной жизни населения важную роль играли периодически выпускаемые царские указы о «справедливости» (освобождение от долгов, отмена налогов или установление тарифов), о чем упоминается и в синхронных документах. «Законодательные сборники», высеченные на каменных стелах и установленные в храмах или перед ними, служили, скорее, зримым памятником царской деятельности, также как статуи, изображавшие царя, об установках которых периодически сообщается в датировочных формулах.

ЗХ, несомненно, представляли собой самый длинный и наиболее разнообразный/комплексный текст такого рода. Составитель сохранил традиционную трехчастную структуру этого типа царских надписей (пролог, основной текст и эпилог), однако для записи текста выбрал не шумерский, а аккадский язык, который к этому времени стал общим разговорным языком всего населения Южной Месопотамии. Пролог и эпилог ЗХ по своему содержанию вполне традиционны.

В прологе прежде всего приводится обоснование легитимности царствования Хаммурапи, почти буквально повторяющее то, что писали в своих надписях правители III-го тысячелетия. Великие боги назвали его имя как наиболее достойного и призвали его на царствование, чтобы «обеспечить благоденствие людей», для чего было необходимо установить справедливость в стране, уничтожить преступников и злодеев и сделать так, чтобы сильный не притеснял слабого³³. Затем последовательно перечисляются благие дела Хаммурапи в отношении главных богов и населения каждого из семи крупнейших городов его царства (Шумера и Аккада), которые были в то же время важнейшими культовыми центрами Южной Месопотамии. Заканчивается пролог утверждением о том, что Хаммурапи удалось успешно выполнить указания богов: «Я вложил правду и справедливость в уста страны, благоденствие людей я установил. Отныне (будет так)». Далее следует собственно текст законодательных установлений, которые, по-видимому, и сконцентрировали в себе, по мнению составителя, упомянутые выше «правду и справедливость», посредством которых обеспечивалось благоденствие народа.

Содержание эпилога во многом повторяет тему защиты слабых и установления справедливости, затронутые в прологе. Большой фрагмент (15 строк) эпилога посвящен описанию того, как на практике «притесненный» сможет воспользоваться тем, что по указанию Хаммурапи текст законов стал доступным для ознакомления всем: «Человек притесненный (*awilum hablum*), у которого есть судебное дело, пусть к моему изображению (как) «царя справед-

³³ И в прологе и в эпилоге упоминается об обязанности царя защищать «слабого» от притеснений (*habalum*) «сильного»: «чтобы сильный слабого не притеснял чтобы с сиротой и вдовой поступали по справедливости» (*dannum enšam ana lā habālim ekūtam almattam šutēšurim*, xlvi 59–60).

ливости» придет, то, что начертано на стеле, пусть ему прочитают, чтобы он мог услышать мои драгоценные слова, и пусть моя стела дело его для него разъяснит и свое (правильное) судебное решение пусть он увидит, и сердце свое пусть он успокоит» (xlviіі 3–19). Должны ли были проистекать из знакомства потерпевшего с законодательным текстом какие-либо практические последствия, или ему достаточно было морального удовлетворения, остается неясным. Возможно, этот пассаж эпилога относился к области чистой риторики. Число непосредственных читателей текста, искусно вырезанного на камне изысканными архаичными знаками (по сути — шумерскими), было, вероятно, незначительным, а его понимание оставалось недоступным для большинства населения, не обладавшего специальными знаниями.

Основная часть текста ЗХ регулирует самые разные вопросы гражданского и уголовного права, с которыми могли сталкиваться все жители Южной Месопотамии (около 300 законодательных установлений/параграфов). Среди этих установлений: условия аренды, кредита, залогов и депозитов, кражи и долги, вопросы рабства, телесных повреждений, имущественные права. В отличие от пролога и эпилога, состоящих, в основном, из идеологических штампов, в содержании основной части текста, где рассматриваются конкретные практические вопросы, безусловно, отразилась реальная жизненная практика. Установленные в них нормативы направлены на то, чтобы единообразно регулировать хозяйственную деятельность и имущественные отношения населения на всей подконтрольной царю территории. Кардинально они ничего не меняли, скорее, только повторяли старые правовые установки и фиксировали некоторые изменения.

К законодательным «новациям», в разработке которых, скорее всего, принимал непосредственное участие и сам Хаммурапи, можно, вероятно, отнести установления, регулировавшие отношения в группе «воинов и рыбаков», которые в обмен на содержание (земельные наделы), должны были исполнять военную службу (§§ 33–41). В них рассматриваются вопросы выдачи и распределения наделов в случае, если сам воин (*rēdum*) не может выполнить свои обязательства в результате смерти, пленения или отсутствия, вопросы коррупции (притеснения подчиненных) среди военных начальников и вопросы ограничения пользования служебными наделами (их нельзя продать и передать по наследству по женской линии). Содержание одного из этих установлений (§ 34) позволяет составить представление о том, что могло нести в себе действие, выраженное глаголом *habālum*, какого рода мог быть характер притеснения или обиды, нанесенной «сильным» «слабому». Военачальник, в случае если он «притеснял» реду (*rēdiam ihtabal*), получавшего земельный надел за исполнение своих обязанностей, отбирая у него имущество, отдавая

в наем, предавая сильному в суде или отбирая у него подарок царя, подлежал смертной казни. Эта группа установлений была сформулирована с тем, чтобы включить в официальную правовую систему и население провинции, в благополучии которого царская администрация была весьма заинтересована.

Стремясь распространить общий социальный порядок на всю территорию созданного им государства (от Ура на юге до Ашшура на севере), законодатель, вероятно, сознательно ввел единообразные обозначения для основных (в плане взаимодействия с центром) групп населения, что давало возможность достаточно четко регламентировать права и обязанности населения в отношении центра. Судя по ЗХ, для государства все население страны (кроме частных рабов) состояло из двух групп: это те, кто имели властные полномочия (разного уровня) и в связи с этим имели прямые обязательства по отношению к государству, и те, кто являлись исполнителями указаний и несли обязательства перед своим руководителем. Представители первой группы обозначены в законах термином «(свободный) человек» (акк. *awīlum*, шум. *lú*), остальная (основная) часть населения обозначена в законах термином «подданные» (*muškēnum*). При этом все жители страны (как авилумы, так и мушкенумы) по отношению к царю являются его рабами/слугами (*wardum*) и должны жить в соответствии с теми законами и установлениями, которые он даровал им.

Объединив и городскую, и служебную элиту в единую группу подданных- авилумов/руководителей, а все остальное население городов и провинции в группу подданных-мушкенумов/исполнителей, и установив определенные правила для представителей обеих групп, законодатель, вероятно, надеялся тем самым выстроить единую систему взаимодействия центра со всем населением страны, и городским и провинциальным. Власть по-прежнему не стремилась (и, конечно, не могла) преобразовать существующие институты, но старалась единообразно организовать в своих интересах отношения с подданными, фактически копируя основные элементы социальной структуры ранних городских обществ III тыс. до н.э. (деление социума на руководителей и подчиненных и распределительная система в виде взаимных обязательств).

Если предшествующие Хаммурапи законодатели Южной Месопотамии, создавая свои указы и законодательные сборники, пытались слегка откорректировать существующую реальность в попытке исправить возникавшие со временем погрешности и вернуть ее в исходное состояние, то законодатель Хаммурапи воссоздает старую идеологическую схему, подгоняя в определенной степени новую реальность под нее. В плане общественного самосознания и самоопределения (в том числе и терминологического) реальная ситуация была, вероятно, далеко не столь однозначной как она выглядит в ЗХ, кото-

рые в этом отношении можно считать «идеализированным автопортретом государства», показывающим его таким, каким его хотел видеть составитель законов. В письменных памятниках времени Хаммурапи и его преемников нет свидетельств использования терминов «авилум» и «мушкенум» для обозначения двух разных категорий населения. В одном случае в указе о «справедливости» четвертого преемника Хаммурапи, царя Аммицадуки (1646–1626 гг. до н.э.), все население подвластной ему страны, к которому был обращен его указ, описывается как «богатые, великие и подданные» (*kabtum rabūm u muškēnum*)³⁴. Таким образом, для обозначения элиты и в этом случае по-прежнему использовалось традиционное словосочетание *kabtum rabūm*, а не термин *awīlum*, который фигурировал в ЗХ. Другими словами внутри элиты по-прежнему сохранялось четкое разделение на две основные группы — старая городская знать и служилая бюрократия.

Очень пространный и разнообразный, композиционно, стилистически и идеологически точно выверенный текст ЗХ, несомненно, появился в результате многолетней работы большой группы вавилонских интеллектуалов под руководством самого Хаммурапи. Работа над ним была завершена в последние годы жизни великого царя. Это подтверждается приведенным в прологе списком подвластных ему городов. Стелы с изображением царя, получающего наставления от божества, и текстом законов были воздвигнуты в самых крупных городах государства где-то в промежутке от 38 до последнего 43-го года его правления. Никаких свидетельств о практическом применении записанных в нем нормативов в документах не найдено.

Активная административная и законотворческая деятельность Хаммурапи в последние годы его правления имела своей основной задачей превращение всех завоеванных им территорий Месопотамии, (и городов, сохранявших элементы самоуправления, и провинции под прямым управлением царской администрации) в единообразную политическую и хозяйственную систему с центром в Вавилоне. Однако эту цель невозможно было достигнуть, не разрушив полностью раннюю модель города с его элементами административной организации производства, самоуправления и коллегиальности, на что власть никогда не могла бы решиться. Тем не менее, сроки существования такого варианта общественного устройства, как ранние городские самоуправляющиеся системы подходили к концу уже во времена Хаммурапи.

Южная Месопотамия после Хаммурапи. Территориальное объединение всей Южной Месопотамии, достигнутое после многих лет военных кампаний, оказалось недолговечным. В границах, установленных Хаммурапи, его государство просуществовало не более 20 лет, примерно, с 1760

³⁴ von Dassow 2014, 298, n. 29.

по 1740 г. до н.э. В начале правления сына Хаммурапи Самсуилуны началось широкомасштабное восстание городов, продолжавшееся около 5 лет (1742–1737 г. до н.э.). Военные действия против мятежников и ликвидация последних очагов восстания привели к катастрофическим для юга Месопотамии результатам. Масштабные разрушения затронули, вероятно, какие-то участки городских систем водоснабжения, что подтолкнуло наступление давно назревавшего экологического кризиса и привело к полному развалу ирригационных систем южных городов и прекращению здесь масштабной хозяйственной деятельности³⁵. Это сопровождалось значительным уменьшением (примерно на 40%) общей площади городских поселений юга. Не создавались и новые поселения³⁶. Оставшееся в живых население городов либо разбегалось по маленьким сельским селениям, либо мигрировало на север. Несколько позднее процесс деурбанизации затронул и города центральной и северо-восточной части Южной Месопотамии. К 1720 г. до н.э. располагавшиеся в центральной части региона города Ниппур и Исин (а позднее и Киш на северо-востоке) также были покинуты большей частью населения. Позже всего деурбанизация затронула северо-западную часть аллювия, в том числе территорию вдоль канала Арахтум, протока Евфрата, который тек через Вавилон. Здесь городская жизнь продолжалась до начала 16 в. до н.э. (конца правления I вавилонской династии), когда город Вавилон был разрушен, и на несколько десятилетий покинут населением³⁷. Это событие — разрушение Вавилона — оказалось последней точкой в длительном процессе упадка городских систем Южной Месопотамии периода ранней древности.

Наследниками I династии Вавилона были касситы. Именно в правление касситской династии (16–12 вв. до н.э.) вся Южная Месопотамия была поч-

³⁵ Свидетельства синхронных текстов говорят о происходившем в это же время упадке писцовой и деловой активности в большинстве городов. Датировки на табличках, найденных при раскопках, помогают определить, когда были покинуты те или иные города. Самые поздние тексты, найденные в городах Адаб, Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибера, Ур, Кисурра были записаны в 1739–1737 г. до н.э.

³⁶ Adams 1981, 165.

³⁷ К середине II тыс. до н.э. провинция вавилонского государства была в основном заселена этнически неоднородным населением, значительную часть которого составляли беженцы, переселенцы, депортированные пленные и их потомки, постепенно превратившиеся в основной источник военной силы слабующих царей Вавилона. Есть предположение, что в конце правления последнего царя I вавилонской династии Самсудитаны в стране вспыхнуло восстание военных поселенцев и наемников, к которым примкнула и часть сельского населения. Государство оказалась в состоянии хаоса, чем воспользовались и воинственные соседи. Город Вавилон был захвачен и частично разрушен. Городское население, оставшееся в живых, бежало. Richardson 2016, 116 ff.

ти на 400 лет объединена в рамки централизованного государства, создать которое пытался еще Хаммурапи. После пика деурбанизации, пришедшегося на середину II тыс. до н.э., когда фундаментом центральной власти оставались сельские поселения, по большей части заселенные мигрантами и их потомками, в 14–13 вв. до н.э. древние города юга постепенно вновь начали заселяться. Касситские правители Вавилона организовали масштабные работы по восстановлению ирригационной системы и возрождению южных городов. Однако во вновь формирующихся по «инициативе сверху» городских структурах отсутствовал сколько-нибудь серьезный уровень автономии и самоуправления. Максимум, на что могли рассчитывать в новых условиях самые богатые города, — это привилегии (*kidinnūtu*), которые даровались им царем и царем же могли быть отобраны. Тем не менее, многочисленные города Южной Месопотамии и в последующие века вплоть до последних лет существования месопотамской цивилизации сохраняли явный отпечаток той модели городского устройства, которая возникла на юге в середине IV тыс. до н.э., а текст ЗХ оставался «живым» еще более тысячи лет после своего появления: он широко использовался как дидактическое пособие в писцовых школах и центрах Месопотамии, став важным элементом писцового обучения и образцом для составителей более поздних собраний законов.

Литература / References

- Adams, R. M. 1981: *Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates*. Chicago.
- CAD: Biggs, R. D.; Brinkman, J. A.; Civil, M.; Farber, W., etc. (eds). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD)*. Chicago. 1956–...
- Cooper, J. S. 1986: *Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions, I. Presargonic Inscriptions*. New Haven, Connecticut.
- Frayne, D. 1990: *Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods*. Vol. 4 (RIME 4). Old Babylonian Period (2003–1595 BC). Toronto.
- Heimpel, W. 2003: *Letters to the King of Mari*. Winona Lake.
- Klein, J. 2014: From Agade to Samaria. The Inflationary Price of Barley in Situations of Famine. In: Z. Csabai (ed.) *Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas*. Budapest, 167–180.
- Koppen van, F. 2007: Aspects of Society and Economy in the Later Old Babylonian Period. In: G. Leick (ed.), *The Babylonian World*. New-York; London, 210–223.
- Kozyreva, N. V. 2001: [Amoreys in the cities of Issin and Eshnunna]. In: *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History], 3, 119–123.
- Козырева, Н. В. Амореи в городах Исин и Эшнунна. *ВДИ*, 3, 119–123.
- Kozyreva, N. V. 2015: ["Nobles and powerful". The Rich families of the city of Larsa in XIX–XVIII cc. BC]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [The Written Monuments of the East] 1, 45–57.

- Козырева, Н. В. «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н. э. *Письменные памятники Востока* 1, 45–57
- Kozyreva, N. V. 2016: *Essays on the History of the Southern Mesopotamia in the Early Ancient History Period (VII-mid. II cent. B.c.)*. St.Petersburg.
- Козырева, Н. В. *Очерки по истории Южной Месопотамии периода ранней древности (VII — середина II тыс. до н.э.)*. СПб.
- Liverani, M. 2006: *Uruk. The First City*. London.
- Postgate, J. N. 1992: *Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History*. London; New York.
- Prentice, R. 2010: *The Exchange of Goods and Services in Pre-Sargonic Lagash*. Münster.
- Richardson, S. 2016: The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting. In: *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. Bloomsbury; London; New-York, 101–142.
- Roth, M. 1995: Mesopotamian Legal Traditions and the Laws of Hammurabi. In: *Chicago-Kent Law Review* 71.1, 13–39
- Roth, M. 1997: *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor*. Atlanta.
- Roth, M. 2002: Hammurabi's Wronged Man. *Journal of the American Oriental Society* 122, 38–45.
- van de Microop, M. 2011: Hammurabi's self-presentations. *Orientalia*, 80, 305–338;
- von Dassow, E. 2014: Awīlum and Muškēnum in the Age of Hammurabi. In: L. Marti (ed.). *La famille dans le Proche-Orient ancien: réalités, symbolismes, et images. Proceedings of the 55th Rencontre Assyriologique Internationale at Paris 6–9 July 2009*. Winona Lake, 291–308.
- Westbrook, R. 2003: Mesopotamia. Old Babylonian Period. In: R. Westbrook (ed.). *A history of ancient Near Eastern law*. Leiden, 361–431.

